

УДК 340

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В ПРАВЕ: ОБЩЕПРАВОВЫЕ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

© 2024 г. Р. Ф. Степаненко^{1, 2, *}, Ф. И. Хамидуллина^{1, **}

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет

²Университет управления «ТИСБИ», г. Казань

*E-mail: stepanenkorf@yandex.ru

**E-mail: inbox7575@inbox.ru

Поступила в редакцию 02.06.2024 г.

Аннотация. В статье анализируется актуальная проблема современного правоведения — целеполагание права. Целеполагание как доктринально обоснованный, системный и практико-ориентированный процесс предшествует формулированию целей в праве, участвует в процедурах их легитимации в нормативном правовом пространстве и сопровождает реализацию поставленных целей на протяжении всей правовой деятельности в той или иной области правового регулирования общественных отношений. Целеполагание в праве задействовано в нормотворчестве, правореализации, в том числе правоприменении, и приобретает особое значение в условиях неопределенности, неустойчивости правовых порядков, высокой степени конфликтности и рисков международных правоотношений, а также угроз национальной, общественной и личной безопасности. Актуализация проблем целеполагания, будучи относительно востребованной в научных исследованиях теоретического и отраслевого правоведения, прежде всего обусловлена необходимостью аргументации тактики и стратегии построения современной правовой политики (политики права), без указания целевых причин совершенствования которой авторитетность и действенность нормотворчества и правореализации представляются недостаточно эффективными. Функциональная целесообразность формулирования, формализации и следования поставленным целям имеет не только праксеологическое, но и аксиологическое значение с позиций в первую очередь соблюдения и охраны индивидуальных (личных) и коллективных прав и свобод человека и гражданина. Целеполагание в материальном и процессуальном праве транслируется в той или иной степени посредством изложения норм-целей, норм-принципов, норм-задач, но не имеет в полной мере рационально обоснованной систематизации, что должно инициировать научный интерес. Удовлетворение сбалансированных правом интересов и потребностей личности, общества и государства как целевая установка (сверхзадача) права в условиях ясного и рационального определения целей законодательства приобретает важное значение с учетом особенностей современной правовой реальности, а также на перспективу.

Ключевые слова: целеполагание, цели, материальное право, процессуальное право, нормы-цели, целевые установки.

Цитирование: Степаненко Р. Ф., Хамидуллина Ф. И. Целеполагание в праве: общеправовые и теоретико-методологические проблемы // Государство и право. 2024. № 10. С. 45–54.

DOI: 10.31857/S1026945224100052

THE GOAL SETTING IN LAW: THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF SUBSTANTIVE AND PROCEDURAL LAW

© 2024 R. F. Stepanenko^{1, 2, *}, F. I. Khamidullina^{1, **}

¹Kazan (Volga Region) Federal University

²University of Management "TISBI", Kazan

*E-mail: stepanenkorf@yandex.ru

**E-mail: inbox7575@inbox.ru

Received 02.06.2024

Abstract. The article analyzes the actual problem of modern jurisprudence – the goal-setting of law. Goal-setting as a doctrinally grounded, systematic and practice-oriented process precedes the formulation of goals in law, participates in the procedures for their legitimization in the normative legal space and accompanies the implementation of set goals throughout legal activity, in a particular area of legal regulation of public relations. Goal-setting in law is involved in norm-setting, legal realization, including law enforcement, and acquires special importance in conditions of uncertainty, instability of law and order, a high degree of conflict and risks of international legal relations, as well as threats to national, public and personal security. The actualization of the problems of goal-setting, being relatively in demand in scientific research of theoretical and sectoral jurisprudence, is primarily due to the need to argue tactics and strategies for building modern legal policy (law policy), without specifying the target reasons for improving which, the authority and effectiveness of rulemaking and legal implementation seem insufficiently effective. The functional expediency of formulating, formalizing and following the set goals has not only praxiological, but also axiological significance from the standpoint, first of all, of observing and protecting individual (personal) and collective human and civil rights and freedoms. Goal-setting in substantive and procedural law is translated to one degree or another through the presentation of norms-goals. norms are principles, norms are tasks, but they do not have a fully rationally justified systematization, which should initiate the scientific interest. Satisfaction of the interests and needs of the individual, society and the state balanced by law as a target setting (super task) of law, in conditions of a clear and rational definition of the goals of legislation, becomes important taking into account the peculiarities of modern legal reality, as well as for the future.

Key words: goal setting, goals, substantive law, procedural law, norms-goals, targets.

For citation: Stepanenko, R.F., Khamidullina, F.I. (2024). The goal setting in law: the theoretical and methodological problems of substantive and procedural law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 45–54.

Современная правовая наука, постепенно преодолевая методологический монизм юридической догматики, отождествляющей право и закон с волей государства (нормативизм, этатизм, легизм и другие позитивистские концепции), транслирует в исследовательское пространство юриспруденции проблемы смысло- и ценностнообразующих основ целей права. Межотраслевое и междисциплинарное взаимодействие в изучении сложных полиструктурных и полисемантических феноменов, одним из которых является целеполагание, требует участия креативного аналитического и дискурсивного мышления, выходящего за рамки дескриптивной юриспруденции, порой упускающей из вида принципиально значимые аспекты целерациональности права, важные для дальнейшего развития отечественного правотворчества, правореализации, в том числе правоприменения.

Современное правовое мышление, задействованное сегодня в последовательном пересмотре и аналитике стратегий правовой политики с позиций синергичной юриспруденции (синтез юридической науки, образования и практики), масштабирует проблему результативности и эффективности правовой деятельности, прежде всего начиная с постановки ее целей. Процесс, во-первых, предшествующий формулированию целей – *целеполагание*, априорно связан с осуществлением процедуры аргументации и верификации идей, интересов и потребностей, желаемых итогов позитивного преобразования правовой реальности. Мотивация целей (тактических и стратегических) объясняется доктриной правовой политики, которая обосновывает ключевые вопросы совершенствования права в качестве системной и научно репрезентируемой правовой деятельности органов власти,

гражданского общества, личности во имя реализации идей правового государства. Как отмечает О.Ю. Рыбаков, «миссию гуманизации права может осуществить правовая политика, смысл, цель которой состоит в создании условий для эффективной защиты прав и свобод личности»¹.

Именно политика права (правовая политика), как считает В.Н. Жуков, представляет собой: «1) установление цели правового регулирования; 2) разработку средств достижения этих целей... Поскольку процессу правового регулирования присуще определение целей и средств ее достижения»². Между тем справедливость сказанного В.Н. Жуковым не в полной мере соответствует сложившемуся состоянию в законодательной сфере. Вопросы формулирования целей и исследования процесса целеполагания в юридической науке остаются без должного внимания ученых, что находит отражение и в практической правовой деятельности, в связи с чем акцентировка проблематики целеполагания в праве представляется крайне актуальной.

Современная гуманитарная наука, постигая объектно-предметную сферу целеполагания с позиций понимания и объяснения любой социальной организации как целеполагающей системы, включает в себя целеполагающие подсистемы, институты и субинституты, обосновывая важность и априорность аналитической работы по выявлению и установлению интересов, мотивов, установок и выбора тех инвариантных целей деятельности социального характера, которые соответствуют как конкретному периоду исторической эпохи, так и перспективному видению эффективности всего социально-правового. Эйдосы философии и общей теории права «о предельных основаниях права, государства, власти, законодательства, их сущности и ценностных свойствах, о наиболее общих принципах организации мировоззренческих ориентирах правовой культуры общества»³, целях права, к огорчению, не входящие в полной мере в сферу интересов отраслевой юридической науки, в то же время имеют различные междисциплинарные ракурсы изучения в зарубежной и отечественной научной литературе в части исследования природы, функциональности и причинности целеполагания.

Каузальная природа — причинность — любого процесса, в том числе целеполагания в юридической догматике, доминирующим образом имеет

спорадический (механистический, не всегда последовательный) либо сугубо дескриптивный (объяснительный) характер, отражая строго линейную, схематизированную формальной логикой интерпретационную модель формулирования целей. Между тем иллюзорность такого моделирования, хотя и полезного для догмы права, подвергается сомнению матрицей учения Аристотеля о причинности как теории, излагающей в своей целокупности (Гегель) соединение четырех: формальные, материальные, деятельностные и целевые причины природы всего должного и сущего.

Постижение смыслообразования и целей древнегреческим мыслителем Аристотелем в известной работе «Метафизика» связано с поиском объективно существующей связи явлений, их причинной обусловленности (каузальная природа), обнаружением цепочки универсальных причин не только линейного (механистического), но и нелинейного характера, в «схватывании» правовых феноменов, в том числе через целевые причины. Последние с точки зрения этической и функциональной целесообразности в упорядочивании правовой реальности суть социальные ценности причинности функционирования нормативности континуума.

Н.М. Коркунов в работе «Лекции по общей теории права» (1914), размышляя о содержании юридических норм с позиций удовлетворения интересов человека, отмечает в числе одной из важных целей права устранение столкновения интересов (одинаковых, неодинаковых, но равноценных, неравноценных). Устанавливая «мир между субъектами этих интересов», становится важной их оценка с точки зрения нравственных воззрений как общества, так и правотворческих органов. Интерес мира, «каким бы образом не был он достигнут, уже сам по себе представляет выгоду. Он дает экономию сил, которые бы при отсутствии мира тратились на борьбу... кроме этого интерес мира... таков, например интерес свободы, далеко не везде и не всегда преследуемый правом. В современном правосознании цивилизованных народов ему принадлежит, однако, весьма выдающаяся роль»⁴, в том числе с праксеологических позиций целеполагания права и его результативности. Здесь становятся очевидными целевые причины юридических норм — установление нравственного, согласованного правового порядка.

Об аксиологии целей права как «юридической защите отношений» в контексте сходства и различия правового и нравственного рассуждал С.А. Муромцев в работе «Определение и основное разделение права» (1879). Автором отмечается, что юридическая защита (организованная) «менее

¹ Рыбаков О.Ю. Правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: формы и виды // Вестник Саратовского государственного соц.-экон. ун-та. 2004. № 9. С. 136.

² Жуков В.Н. Политика права // Философия права. Словарь. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. 2-е изд., дораб. и доп. М., 2021. С. 521.

³ Жуков В.Н. Философия права // Там же. С. 761.

⁴ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М., 2024.

проницательна, чем защита нравственная (неорганизованная)». Право преимущественно регулирует внешнюю, а нравственность — внутреннюю сторону поведения и поступков. Объединяясь и взаимодействуя, право и нравственность едины в своих целях. Для чего и закон служит условием наступления правового и нравственного порядка. Благовидные цели права и нравственности достижимы посредством признания обществом существа того или иного закона. Но «законодательно недостаточно иметь для себя только законность; если закон не встретит расположения у граждан и не подчерпнет в нем силы, то он распадается подобно высохшему дереву»⁵. Здесь С.А. Муромцевым подчеркивается особая цель юридической науки как искусства, которая состоит в том, «чтобы указывать цели практике и, следуя научным выводам, комбинировать средства для достижения избранных целей»⁶. Это самостоятельная задача всей юридической науки, лежащая в основе целеполагания на стадии конструирования целей для практической юриспруденции.

Между тем целеполагание в праве как недостаточно популярная и не получившая своего широкого распространения в юридической науке (как ранее, так и теперь) категория в отдельных исследованиях выступает синонимом, преимущественно в объяснении процедур формулирования целей (цели). Представляется, что целеполагание как интеллектуально-творческий, политико-правовой, научно систематизированный и доктринально организованный процесс в юриспруденции предвещает обоснование и дальнейшую легитимацию тех или иных целей прежде всего для нормативной правовой сферы разного уровня. В дальнейшем этот процесс (в ходе реализации поставленных целей) приобретает важное праксеологическое значение.

Отдельные недостатки правотворчества, в последнее время перманентно иницирующие изменения законодательства, не охваченные целеполагающим эффектом, не приносят существенных результатов в правореализационной, в том числе правоприменительной, сфере. Цели законодательства порой становятся дискретными, а их фрагментарное восполнение новыми нормами зачастую не дает желаемого результата.

Отмечая настоятельную необходимость и потребность устранения дисфункциональных и негативных последствий отдельных законодательных изменений в духе современного «травматического нарратива», В.М. Баранов анализирует «травматические законы» в качестве элемента «общества

травмы» и называет такие законы «рукотворным политико-правовым продуктом», за конструирование которого должен нести ответственность законодатель⁷. В этом смысле отсутствие целей в современном кодифицированном законодательстве можно отнести к травматическому эффекту, как минимум для правоприменения, следуя логике данного автора.

Аналогично вопрос актуализируется и в юридической практике, отсутствие целей в отдельных кодексах может быть воспринято как «болевая точка» и упущение правоправедения, требующие незамедлительного «терапевтического» вмешательства науки. Будучи ценностно-рациональным, целеполагание в качестве ведущего элемента научной юридической деятельности ориентировано на ожидания личности, общества, государства и является методологически аргументированной моделью последующих стратегий осуществления эффективной правовой работы в сфере признания, соблюдения, защиты и охраны прав и свобод всех участников правовых отношений.

Во-вторых, априорность целеполагания как ценностно-рациональной основы, которая заключается в сопровождении всей юридической деятельности, заключается в последовательном, планомерном и базирующемся на удовлетворении потребностей и интересов индивидуальных и коллективных субъектов права процессе, очевидна и является концептуальным обоснованием путей и средств достижения формулируемых целей права. Прогнозирование и шире — предвидение в процессе целеполагания есть формула методологической инженерии, перспекция «желаемого» в праве и «ожидаемого» от права. При этом целеполагание интерпретирует и сохраняет требование к адекватности, разумности и соразмерности моделирования, использования адекватных юридических возможностей и средств в реализации аргументированных целей. Контуры целеполагания, перспективно нацеленные в будущее, однако не должны пренебрегать традициями преемственности в праве, в том числе в сфере телеологических исследований его «целевой результативности» (Ю.А. Тихомиров).

Широкий ли, узкий ли подходы к правопониманию, пониманию правовой деятельности, правового (юридического) процесса и т.д. дискутируются либо популяризуются в правоправедении, — если все это не основывается на доктринальных целях, то основной проблемой юриспруденции становятся низкая эффективность и малопродуктивность правовой работы как в настоящем, так и будущем,

⁵ Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 2024.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Баранов В.М. Изменение законодательства как социальная травма // Юрид. техника. 2023. № 17. С. 40–51.

а также может быть подвергнута сомнению ее целесообразность.

Обладающий «творческим гением и энциклопедической ученостью» (К. Маркс) Гегель, объясняя важность учения о целях (телеологии), писал: «Телеологическое отношение как непосредственное есть ближайшим образом внешняя целесообразность..., объект цели есть некое особенное и преднайденное..., понятие цели — в себе сущее единство субъективного и объективного, положенного теперь как для себя сущее единство, где положена идея»⁸. Преднайдность целей — целеполагание всегда детерминируется множеством идей и замыслов, задействованных в генезисе смыслов целесообразности права, его природы и назначения в ретро- и перспекции.

«В детерминации любой из реалий, которыми живут мир и человек, участвуют не только прошлое (материальные причины), настоящее (деятельностные причины), но и будущее (целевые причины)... Аристотелевская каузальная четверица позволяет увидеть право во всей полноте, сложности и противоречивости составляющих компонентов. Единение четырех причин, их слияние в общий детерминационный приводит к возникновению права»⁹ материального и процессуального. Формальные причины в данной четверице — это те «идеальные первообразы, чистые формы, по образцам которых складываются правовые реалии, подлежащие упорядочению и регуляции при помощи норм права»¹⁰. Это образы идеи, ценности — ядро целеполагания, объективируемые в праве посредством формирования, например, декларативных норм о правовом социальном государстве, правах человека как высшей ценности и др.

Останавливая внимание в данном исследовании на целеполагании в духе аристотелевской тетрактиды, прежде всего на целевых причинах становления и развития права, следует отметить неразделенность целостности (системной связанности) причин и результатов целеполагания в праве при построении и объяснении исследовательских замыслов. Их синергия и неразрывность онтологно-гносеологического и аксиологических союзов есть условие интерпретации целей в предварительном осмыслении их взаимосвязанности с итогом правотворчества и правореализации. Соответственно, «связанное», или кумулятивное, формулирование целей с результатом — условие их аксиологического

и праксеологического предназначения в настоящем и будущем, об этом утверждали известные российские правоведы в работах, изучающих целевые установки права.

Прогнозирование, планирование и предвидение¹¹ при выстраивании целеполагания первичны по отношению к стратегиям процессуального и материального права и сопряженно вторичны в связи с уже имеющимися практиками юридического опыта. Будучи зависимыми от апробированных правовой историей позитивных или деструктивных практик правовой деятельности, выстраиваясь из ретроспективных в проспективные образы желаемого в правокультурном пространстве, цели могут и должны быть аутентичны общечеловеческим ценностям; иметь рациональные и разумные основания; обладать структурно и функционально организованным системным качеством; отвечать цивилизованным и нравственным правовым состояниям национальных и наднациональных юрисдикций; соответствовать нормам и правоположениям Основного Закона, содержащим в себе нормы-принципы и нормы-цели как значимые компоненты целеполагания.

Нормы-цели, либо структурные элементы данных норм, производимые в контекстах магистральных общеправовых принципов и целеполагания права в целом (Справедливость, Равенство, Свобода), представляют собой универсальные, находящиеся на вершине иерархии правовых ценностей идеалы, экстраполируемые из сферы интересов и потребностей Человека в его экзистенциальном, духовно-нравственном, социальном и государственно-правовом измерениях.

При этом придание доминирующего положения в юридической науке догматическому методу оправдывает себя праксеологическими устремлениями практической юриспруденции. Как отмечает В.Н. Жуков, «догматический метод рождается практикой методом проб и ошибок, в его основе всегда лежала не догматическая, а практическая целесообразность и законы формальной логики... С юридическим позитивизмом ситуация такая же, как и с догматическим методом... Юристы-философы (П.И. Новгородцев, И.А. Ильин) усматривали существенный изъян догматического подхода в его игнорировании смысловых и ценностных аспектов права»¹², к которым с уверенностью можно отнести целеполагание, придающее праву образ завершенности в его, возможно, идеализированных целях. Без преувеличения следует подчеркнуть наряду

⁸ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / вступ. ст. Е. Ситковского. М., 1975. Т. 1. С. 395–399 (Философское наследие).

⁹ Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философская проблема / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 2002. С. 7.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Степаненко Р.Ф. Предвидение в праве: методологические возможности и перспективы // Государство и право. 2022. № 11. С. 47–54. DOI: 10.31857/S102694520022759-5

¹² Жуков В.Н. Догматический метод и мифы юридического позитивизма // Государство и право. 2018. № 5. С. 49.

с догмой права, социологией права и роль философии права, познающей, как отмечает Е.А. Фролова, «срез идеального права (которого еще нет, но оно желательно)... Философы права, ориентируя свое учение на построение какого-либо идеала, стремятся к его продолжительному характеру, т.е. стабильности в обществе»¹³. Последнее не видится возможным вне обоснования целей, имеющих как общечеловеческие, так и общеправовые ценности, постулируемые догмой права, социологией и философией права.

Нормы-цели как ценности общечеловеческого характера, как пишет О.В. Мартышин, «представляют собой цели, к которым люди стремятся, и связаны с удовлетворением их *потребностей*»¹⁴. Нравственность, как подчеркивает Ф.И. Хамидуллина, «рассматривается как способ практической ориентации поведения человека, направленной одновременно и на самого себя, и на других в качестве автономных самоценных субъектов»¹⁵, выполняя дуальную миссию целеполагания и возвышая его методологическое значение.

Методологически важно объяснение целевых причин или причинных целей (целеполагания) с позиций опосредования их прежде всего признаками «человекоразмерности», антропоморфности, что предполагает установление в праве мотивирующего и стимулирующего начал гармоничного и нормативно упорядоченного сосуществования человеческого сообщества, в том числе в общественном и государственно-правовом пространстве. Мотивирующая и стимулирующая норма-цель согласует интересы личности, общества и государства, организовано и совместно участвующих в формировании окружающей правовой среды, стремясь к повышению правового качества жизни.

Будучи целерациональной, система права (материального и процессуального) объективно содержит в себе как внешние, общечеловеческие, универсальные, генеральные и т.д. цели, так и внутренние, связанные со структурно-функциональными, инструментальными, институциональными и корпоративными интересами права. Последние различаются с потребностями человека в силу: а) экзистенциальной составляющей, находящейся за пределами нормативности, природы, основанной на высших смыслах личностной потребности в праве: человеческой добродетели и милосердия, вере, созидательности и т.д. (или наоборот); б) целесообразности нормативности долженствования,

некоторого дистанцирования правом (посредством установления порой жестких рестрикций и запретов) от универсального и компромиссного социокультурного способа упорядочивания общественных отношений, в совместимости/несовместимости интересов личности, общества и государства и др., для функционирования социального порядка, в том числе законопорядка, имеющих разные цели и, соответственно, различные средства и способы их достижения.

Соответственно, различие целей затрагивает и процессы целеполагания в конкретной отрасли права. Последние имеют то особенное, что позволяет, например, процессуальному праву, придерживаясь норм-целей права, формулировать особые цели, основываясь на предопределении правового процесса как деятельности, способной «снимать» возникшие противоречия и конфликты в сфере права, находить компромиссное и справедливое решение, отвечающее интересам и личности, и общества, и государства.

В-третьих, целеполагание манифестирует и транслирует в законотворческое и правоприменительное пространство регуляторы сознательно-волевого восприятия и подчинения всеми субъектами правоотношений требованиям закона. Целеполагание объясняет потребность ограничений свободы аргументированной необходимостью, целеполагание становится силой примирения различных интересов в их общности и единичности (индивидуальной или же непосредственно отраслевой в праве). Юридическое единичное должно опредмечиваться в нормативных сферах уголовного, гражданского, административного, арбитражного материального и процессуального права через конкретизацию и реализацию содержания их целей, сочетая интересы системы права, отдельной отрасли и институтов (субинститутов). Аргументация целей (теоретически и методологически) должна быть предметно сформулирована в организованных институциональных конструкциях отраслевого законодательства. Имея свои различия в зависимости от сферы правового регулирования (публично-правовые, частноправовые, частногосударственные срезы общественных отношений), но объединяясь общей целью – соблюдение, защита и охрана прав и свобод человека и гражданина, исходя из признания последних высшей ценностью и высшей целью всего правотворчества, правореализации, в том числе правоприменения, цели права должны стать той тактической и стратегической установкой, для которой и создавался правовой (юридический) мир.

Отсутствие целей в материальном и процессуальном российском праве сегодня равным образом и удивляет, и озадачивает. Общие части

¹³ Фролова Е.А. Уровни познания права: вопросы методологии // Правосудие. 2023. Т. 5. № 3. С. 44.

¹⁴ Мартышин О.В. Философия права. М., 2017. С. 73.

¹⁵ Хамидуллина Ф.И. Нравственные основания гражданского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2019. С. 15.

(положения) кодифицированного законодательства в отдельных сферах регулирования и охраны конституционных прав и свобод включают в себя только *задачи* нормативной правовой регламентации. Так, ст. 2 УК РФ к его задачам относит охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка, безопасности, окружающей среды, конституционного строя от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений.

КоАП РФ формулирует *задачи*: а) защиты личности, охраны прав и свобод человека и гражданина; б) охрану здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения; в) защиту общественной нравственности; г) охрану окружающей среды; д) охрану установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности; е) охрану собственности; ж) защиту экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений; з) предупреждение административных правонарушений. К задачам гражданского судопроизводства относятся правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений.

Но задачи есть цели-задания — это сегментированная сфера, при помощи которой уточняются и выполняются поставленные и заданные цели, resultируются стратегии и замыслы целеполагания. *Гражданский, Налоговый, Семейный, Земельный, Лесной, Жилищный, Градостроительный и иные кодексы не содержат целей и задач, за исключением Трудового кодекса РФ.*

Так, в ст. 1 ТК РФ «целями трудового законодательства являются установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда, защита прав и интересов работников и работодателей. Основными задачами трудового законодательства декларируется создание необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений, интересов государства, а также правовое регулирование трудовых отношений...», далее конкретизируемые сферой регулирования трудового законодательства.

В соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом РФ к задачам судопроизводства в арбитражных судах отнесены: «1) защита нарушенных или оспариваемых прав и законных

интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность...; 2) обеспечение доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; 3) справедливое публичное судебное разбирательство...; 4) укрепление законности и предупреждение правонарушений...; 5) формирование уважительного отношения к закону и суду; 6) содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, мирному урегулированию споров, формированию обычаев и этики делового оборота».

Уголовно-процессуальный кодекс РФ формулирует принципы уголовного судопроизводства, но отсутствуют цели и задачи. Кодекс административного судопроизводства РФ включает задачи и принципы, но не содержит целей.

Анализируя содержание задач отдельных кодифицированных законодательных актов, следует отметить допущение нарушений законов логики (тождества, закон исключенного третьего, закон достаточного основания), что в первом приближении характеризует рассматриваемую сферу в качестве недостаточно научно обоснованной, аксиологически и праксеологически не в полной мере аргументированной. Такая ситуация снижает позитивную мотивацию к правомерному поведению как субъектов, в частности, правоприменительной деятельности, так и адресатов, участников той или иной сферы правовых отношений.

В полемике и противостоянии различных научных школ, за границами множества важных дискуссий о различении частного и публичного, материального и процессуального права, юридического процесса и правовых или юридических процедур, т.е. предмета изучения правоведения, к сожалению, остаются незамеченными ключевые проблемы — *целеполагание, цели, задачи материального и процессуального права*. Наука, однако, изучает не предмет, а проблемы (К. Поппер), что требует от нее расширения диапазона исследований, в которых правовая неопределенность всегда наличествует и требует восполнения данной неопределенности. Отсутствие целей и задач в законодательстве представляет особую проблемную область юридической науки, подлежащую концептуальному изучению. Это, по нашему мнению, — фланманское направление исследований прежде всего теоретико-исторических наук.

Здесь правовая аналитика, будучи методологической основой фундаментальной юриспруденции, используя критическое, креативное системное мышление, должна инициировать существенный научный интерес ученых-правоведов к данной проблемной и пробельной сфере юридической науки с точки зрения организации и оценки

эффективности деятельности правотворческих структур и органов правоприменения и в целом правореализации. Последняя, будучи относительно самостоятельной системой общественно значимых социальных практик, и правоприменение как «замыкающий» юридический факт¹⁶ нуждаются в целевой направленности своих компетентностных устремлений. Резонно подчеркнуть высокую степень актуальности данной проблематики в современный период нестабильности и неустойчивости правопорядков, без формулирования целей в которых всякая деятельность приобретает паллиативный, возможно, популистский и не вполне целерациональный характер.

«Результат достигается через мышление, идеализированное предвидение достижения целей... Целеполагание — первичная фаза управления выработки и принятия решений, заключается в постановке генеральной цели и совокупности целей (дерева целей) в соответствии с сущностью и характером решаемых проблем, назначением (миссией) системы, стратегическими установками»¹⁷, — отмечает М.К. Жемчугов, анализируя и обобщая отдельные исследования в области целеполагания.

А.Э. Петросян, анализируя доктрину целеполагания и ее иерархическую структуру в социальной организации, приходит к выводу: «Любая организация начинается с установления “универсальных и постоянных целей”... Они являются скорее функциями, задающими систему координат, внутри которой формулируется миссия организации, то, для чего она создается и что подлежит выполнению независимо от условий, в которых приходится действовать, и решаемых ею задач»¹⁸. Последнее, как представляется, не означает возможности осуществления правовой деятельности вне целеполагания, понимаемого уже как тактика и стратегии конкретной юридической деятельности, или же комплекс целей-установок, целей-задач и целей-функций для удовлетворительного и компетентностного планирования и применения профессиональных юридических полномочий и компетенций.

Отсутствие целей в праве сужает его универсальное общегуманитарное значение, повышает рискогенность его применения, особенно в непростые времена. Как отмечает О.Ю. Рыбаков, «риск пронизывает пространственные и темпоральные характеристики бытия.., онтологический

риск (риск как компонент бытия, являющийся сопутствующим фактором сущностных деформаций смысла и цели жизни человека) имеет своим источником исторически сложившееся неверное целеполагание деятельности человека, связанное с отклонением от смысла и назначения истинного целеполагания. Это ошибка в цели, задачах...»¹⁹, которую предпочтительнее не допускать, а допущенную — исправлять. Но в этом смысле правовая деятельность человека (актора правотворчества или субъекта правоприменения, ученого-юриста и т.д.), не обратившего пристального внимания на рассматриваемую проблему, не может быть оценена исключительно негативно. В силу умолчания либо незначительного интереса в данной области исследований сложилась, полагаем, ситуация неопределенности, которая стимулирует к выработке новых гипотез, идей и взглядов на проблемы целеполагания в праве.

Это, на наш взгляд, досадное упущение подлежит восполнить научному сообществу в случае признания им такой необходимости и целесообразности осуществления данных процедур. Новое исследование проблем неопределенности целеполагания в праве делегируется как представителям теоретического, так и отраслевого правоведения с учетом высокой степени ответственности и возможности возникновения рисков содержательно-эпистемологического характера.

Рассуждая о неопределенности как позитивном свойстве права, Н.А. Власенко пишет: «Неопределенность — субстанция, не стоящая на месте; она движется в сторону либо определенности, либо большей неопределенности, что также имеет свои пределы и последствия»²⁰, что есть нарративная область постижения целеполагания в юридической науке.

Резюмируя сказанное, необходимо подчеркнуть, что отсутствие целей и в некоторых случаях задач правового регулирования отдельных сфер общественных отношений в кодифицированном российском законодательстве ставит перед юридическим научным сообществом острые вопросы результативности и эффективности материального и процессуального права в условиях неполноты, пробельности и неопределенности целевых установок, ориентиров и стратегий субъектов правовой деятельности. В этих условиях методология целеполагания как системная, научно обоснованная деятельность: а) предваряющая аргументацию; б) сопровождающая легитимацию в нормативной

¹⁶ См.: *Солдатова А.В.* Правореализация в социальной сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. С. 8, 9.

¹⁷ *Жемчугов М.К.* Цель и целеполагание в теории социальной организации // Проблемы экономики и менеджмента. 2012. № 4 (8). С. 7, 8.

¹⁸ *Петросян А.Э.* Природа организационных целей (концептуальный портрет в историческом интерьере) // Вестник Омского ун-та. 2015. № 3 (77). С. 77.

¹⁹ *Рыбаков О.Ю.* Значение права в обществе риска. Основные тенденции развития современного права. Казань, 2021. С. 30.

²⁰ *Власенко Н.А.* Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. М., 2015. С. 56.

сфере; в) обеспечивающая реализацию целей правореализации, в том числе правоприменения, способствует формированию нового знания о целевых установках, целевой причинности, ценностях и др. в интересах человека, общества и государства. Методология целеполагания лежит в основе организации и осуществления юридической деятельности и, приобретая новые аксиологические и праксиологические смыслы, стимулирует правовой научно-исследовательский и практический интерес к исследованию заявленной проблематики.

* * *

В завершение настоящего исследования хотелось бы подчеркнуть постановочно-проблемный характер данной работы, требующий для его осмысления участия фигуры «гибкого методолога», находящегося в пределах научных стереотипов и выходящего за них мышления: познающего внутренние и внешние, ближайшие и отдаленные, реальные, возможные и желаемые, не всегда достигаемые и почти достижимые цели материального и процессуального права в диапазонах, а также за горизонтами правового целеполагания в научных аксиологических и праксеологических контекстах и целях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов В. М. Изменение законодательства как социальная травма // Юрид. техника. 2023. № 17. С. 40–51.
2. Бачинин В. А., Сальников В. П. Причинность как философская проблема / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2002. С. 7.
3. Власенко Н. А. Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. М., 2015. С. 56.
4. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / вступ. ст. Е. Ситковского. М., 1975. Т. 1. С. 395–399 (Философское наследие).
5. Жемчугов М. К. Цель и целеполагание в теории социальной организации // Проблемы экономики и менеджмента. 2012. № 4 (8). С. 7, 8.
6. Жуков В. Н. Догматический метод и мифы юридического позитивизма // Государство и право. 2018. № 5. С. 49.
7. Жуков В. Н. Политика права // Философия права. Словарь / под ред. и сост. В. Н. Жукова. 2-е изд., дораб. и доп. М., 2021. С. 521.
8. Жуков В. Н. Философия права // Философия права. Словарь / под ред. и сост. В. Н. Жукова. 2-е изд., дораб. и доп. М., 2021. С. 761.
9. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М., 2024.
10. Мартышин О. В. Философия права. М., 2017. С. 73.
11. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М., 2024. С. 24.
12. Петросян А. Э. Природа организационных целей (концептуальный портрет в историческом интерьере) // Вестник Омского ун-та. 2015. № 3 (77). С. 77.
13. Рыбаков О. Ю. Значение права в обществе риска. Основные тенденции развития современного права. Казань, 2021. С. 30.
14. Рыбаков О. Ю. Правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: формы и виды // Вестник Саратовского государственного соц.-экон. ун-та. 2004. № 9. С. 136.
15. Солдатова А. В. Правореализация в социальной сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. С. 8, 9.
16. Степаненко Р. Ф. Предвидение в праве: методологические возможности и перспективы // Государство и право. 2022. № 11. С. 47–54. DOI: 10.31857/S102694520022759-5
17. Фролова Е. А. Уровни познания права: вопросы методологии // Правосудие. 2023. Т. 5. № 3. С. 44.
18. Хамидуллина Ф. И. Нравственные основания гражданского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2019. С. 15.

REFERENCES

1. Baranov V. M. Changing legislation as a social trauma // Legal technology. 2023. No. 17. Pp. 40–51 (in Russ.).
2. Bachinin V. A., Salnikov V. P. Causality as a philosophical problem / under the general editorship of V. P. Salnikov. SPb., 2002. P. 7 (in Russ.).
3. Vlasenko N. A. Problems of legal uncertainty: a course of lectures. M., 2015. P. 56 (in Russ.).
4. Hegel G. V. F. Encyclopedia of Philosophical Sciences: in 3 vols. / introd. by V. E. Sitkovsky. M., 1975. Vol. 1. Pp. 395–399 (Philosophical heritage) (in Russ.).
5. Zhemchugov M. K. Goal and goal-setting in the theory of social organization // Problems of economics and management. 2012. No. 4 (8). Pp. 7, 8 (in Russ.).
6. Zhukov V. N. Dogmatic method and myths of legal positivism // State and Law. 2018. No. 5. P. 49 (in Russ.).
7. Zhukov V. N. The politics of law // Philosophy of Law. Dictionary / ed. and comp. V. N. Zhukov. 2nd ed., rev. and add. M., 2021. P. 521 (in Russ.).
8. Zhukov V. N. Philosophy of Law // Philosophy of Law. Dictionary / ed. and comp. V. N. Zhukov. 2nd ed., rev. and add. M., 2021. P. 761 (in Russ.).
9. Korkunov N. M. Lectures on the General theory of law. M., 2024 (in Russ.).
10. Martyshev O. V. Philosophy of Law. M., 2017. P. 73 (in Russ.).
11. Muromtsev S. A. Definition and basic division of law. M., 2024. P. 24 (in Russ.).
12. Petrosyan A. E. The nature of organizational goals (conceptual portrait in a historical interior) // Herald of the Omsk University. 2015. No. 3 (77). P. 77 (in Russ.).
13. Rybakov O. Yu. The importance of law in a risk society. The main trends in the development of modern law. Kazan, 2021. P. 30 (in Russ.).

14. *Rybakov O. Yu.* Legal policy in the field of protection of personal rights and freedoms: forms and types // Herald of the Saratov State Social and Economic University. 2004. No. 9. P. 136 (in Russ.).
15. *Soldatova A. V.* Legal realization in the social sphere: abstract ... PhD in Law. Kazan, 2012. Pp. 8, 9 (in Russ.).
16. *Stepanenko R. F.* Foresight in law: methodological possibilities and prospects // State and Law. 2022. No. 11. Pp. 47–54. DOI: 10.31857/S102694520022759-5 (in Russ.).
17. *Frolova E. A.* Levels of knowledge of law: questions of methodology // Justice. 2023. Vol. 5. No. 3. P. 44 (in Russ.).
18. *Khamidullina F. I.* The moral foundations of Civil Law: abstract ... Doctor of Law. Kazan, 2019. P. 15 (in Russ.).

Сведения об авторах

СТЕПАНЕНКО Равия Фаритовна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета; 420008 г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; профессор кафедры теории и истории государства и права Университета управления «ТИСБИ»; 420012 г. Казань, ул. Муштари, д. 11/43

ХАМИДУЛЛИНА Фарида Ильдаровна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета; 420008 г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Authors' information

STEPANENKO Raviya F. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Kazan (Volga Region) Federal University; 18 Kremlevskaya str., 420008 Kazan, Russia; Professor of the Department of Theory and History of State and Law, TISBI University of Management; 11/43 Mushtari str., 420012 Kazan, Russia

KHAMIDULLINA Farida I. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law, Kazan (Volga Region) Federal University; 18 Kremlevskaya str., 420008 Kazan, Russia